

Prof. Trajanka Makrevska, PhD

Faculty of Economics and Organization of Entrepreneurship
International Slavic University
Republic of North Macedonia

OTHER PEOPLE'S MONEY –THE REAL BUSINESS OF FINANCE

ABSTRACT: Contemporary societies require finance. The proof for this is extensive and definitive, and the connection is apparent and causal. Observing the globe today, statistical data links income levels and growth per capita with advancements in finance. Even small efforts in enabling payments and offering microloans in developing nations can significantly impact economic activity. A nation can achieve prosperity only if it possesses an effective financial system, but this does not mean that a larger financial system guarantees greater prosperity for the country. One can have an excess of something beneficial. Financial innovation played a key role in the development of an industrial society; however, it does not imply that all current financial innovations aid economic growth. Numerous great ideas turn into poor ones when taken too far. Thus it is with finance. The finance industry currently has a significant influence in politics: it is the strongest industrial lobby and a key source of campaign funding. News bulletins provide daily updates on events occurring in 'the markets'—referring specifically to securities markets. Business policy is heavily influenced by finance: the advocacy for 'shareholder value' has been a guiding principle for twenty years. Economic policy is shaped based on the perceptions of 'the markets,' and families are progressively compelled to depend on 'the markets' for their retirement safety

KEY WORDS : money, finance, financial crisis, liquidity, markets

INTRODUCTION

An extraordinary aspect of the global financial crisis is that many individuals in finance appeared to believe it was obvious that the government and taxpayers were responsible for ensuring that the sector—its institutions, its operations, and even the substantial compensation of its workforce—persisted in largely its current state. What is even more noteworthy is that this idea gained widespread support from both politicians and the general public. The belief that finance was distinct was widely accepted, and the difficulty many smart individuals outside of finance had in grasping exactly what financiers did only strengthened that impression.

However, finance is not exceptional, and our readiness to unthinkingly embrace the idea that finance holds a distinctive position has caused significant harm. Every activity has its own methods, and those who participate in them possess their own terminology. Every sector I have encountered believes its features are distinct, and while there is some truth to this, it is never as much as those employed in them believe. However, the financial sector is notable for the intensity of this belief. The industry primarily conducts transactions among its own members, communicates internally, and evaluates itself based on performance standards that it has created. Two sectors of economics—finance theory and monetary economics—focus on it, a situation that Larry Summers ridiculed as 'ketchup economics'—the practice of comparing the cost of quart and pint containers of ketchup without considering the actual worth of the

ketchup.

The list of elements leading to the change is extensive and exhibits one notable characteristic: the alteration in the essence of finance was largely unrelated to any shifts in the requirements of the real economy. These needs largely persist: we require financial institutions to handle our transactions, to offer credit, and to supply capital for businesses. We expect financial institutions to oversee our savings and assist with the risks associated with our economic lives. Certain facets of these services are improved; numerous are not. Information technology has transformed how financial services are provided. However, there has not been a change in the services offered to customers that matches the transformation in the nature and political and economic role of the industry supplying them. The process of financialization possessed its own inherent dynamic.

The components of the new trading culture—centered on fixed income, currency, and commodities, and enhanced by derivatives—were now established. Stock markets were no longer the focal point of speculative endeavors. Fixed interest, currency, and subsequently, commodities (FICC) played a crucial role in the emerging trading culture. These recent trading ventures necessitated increased capital. The finance sector has traditionally been marked by various forms of business organization. Commercial banks were typically organized as public corporations, with their stocks listed on the national stock exchange. Investment and merchant banks, along with other financial entities like stock brokers and market-makers, were primarily structured as legal partnerships (though some were privately held firms with a small number of shareholders involved in management). In a conventional partnership, each partner is responsible for the entire debt of the organization. In certain instances, regulations forbade incorporation and the accompanying limitation of liability; however, for the most part, businesses opted for the partnership structure on their own.

Sceptics had long been worried that limited liability companies might fall prey to careless management, speculation, and reckless risk-taking. This concern reflected Adam Smith's warning about the issues linked to managing others' money, which is why liability limitation was strictly controlled until the latter half of the nineteenth century. However, financialization shifted the risk-averse culture of mutuality and partnership to competitive machismo within public companies. While formal risk controls would become much more complex and advanced, their practical effectiveness was lessened; senior management's motivation to ensure these controls were in place significantly decreased. The volume and range of trading expanded quickly as decision-makers benefited more from favorable decisions than they suffered from unfavorable ones. Easier access to capital resulted in misguided diversification: many of the firms that collapsed during the global financial crisis were undermined by ventures outside their core business.

In each diversified financial conglomerate, there was a clear tension between the cultures of trading and deal-making—bold, entrepreneurial, and opportunistic—and the conservative, bureaucratic style that suits retail banking. In the near term, the retail and commercial bankers held the reins: their control over the substantial funds gathered from retail deposits provided them a leading position.

Politicians and the public started to believe that the frequent crises in the finance sector were not merely due to unforeseen and unpredictable occurrences, but indicative of fundamental issues within the culture of the financial services industry. They were correct.

Financial crises are not natural catastrophes such as hurricanes or earthquakes, which we cannot prevent and must just learn to handle. Financial crises stem from human actions. Economic policies can either elevate or diminish their occurrence and magnitude. And they certainly have.

The occurrences of the new economic bubble drew media interest. However, the subsequent—and still the most significant—boom and bust occurred largely away from public view. Despite the numerous indicators of potential instability for those paying attention, it is difficult to exaggerate the complacency that marked the time from the collapse of the internet bubble to the global financial crisis. The immediate triggers of these consecutive crises are quite diverse—issues with emerging market debt, the bubble in the new economy, failures on asset-backed securities, and political tensions within the Eurozone—yet their fundamental mechanism remains unchanged. They stem from a real shift in the economic landscape: the advancement of emerging economies, the evolution of the internet, innovations in financial instruments, and the implementation of a shared currency throughout Europe. Those who identify these trends early gain profits. A collective mindset among traders draws increasing numbers of individuals and capital into the relevant asset class. As set mispricing intensifies, prices are rising and traders are generally profiting.

Despite the appearance of complex justifications for these revaluations, the true nature is rooted in an emotional process, as explained by psychologist David Tackett during numerous interviews with traders. Once a certain euphoric momentum is achieved, the emotional growth that supports the belief typically shows a singular direction... There is the thrill driving the progress and the discomfort that must be faced if it were to be undone. The latter would involve losing the euphoric vision and relinquishing hopes. Skeptics are perceived as disruptors, and to prevent frustration, they are particularly criticized during this period. The questions they pose about the new narrative must be countered, leading to their ridicule and disparagement through rejection.

However, reality cannot be postponed indefinitely. The mispricing is rectified, resulting in significant losses for investors and institutions. Driven by securitization, credit card debt and various forms of consumer lending grew swiftly. Homeowners could access 'equity release' (i.e., borrowing against the risen value of their property), while mortgages were provided to individuals who had not been eligible for housing finance before. This credit growth enabled consumption to keep rising even when incomes stagnated. Credit expansion couldn't persist indefinitely: it would ultimately reverse when the poor quality of many induced loans became apparent. And that was the case during the global financial crisis. The social tensions that had been kept in check while consumption outpaced income growth were no longer restrained. Public sentiment shifted against banking and finance, evident in the Occupy movement and the rising appeal of alternative political movements.

Finance is unique. Once these exceptions to the general rule were acknowledged, the flow of free-market rhetoric from the financial sector could proceed uninterrupted, and it did. Providing an intellectual justification for free-market ideology is one aspect of economics' contribution to policy for the financial sector. Another aspect was more technical: the creation of a comprehensive range of models in financial economics.

Contemporary financial economics considers risk as a commodity similar to milk or coffee. Individuals possess varying preferences and abilities regarding risk and its management, much like they have distinct culinary tastes, cultivate different types of

land, or possess diverse agricultural skills. Commerce between them advantages both sides. In this manner, risk markets allow the unavoidable risks of contemporary life to be managed more effectively. If this comparison between risk and other commodities holds true, then traditional economic tools could be utilized for risk trading. This perspective has underpinned financial economics for fifty years. The metaphor holds considerable appeal for those engaged in financial markets, suggesting that the assertions of market efficiency regarding the trading of milk and coffee also apply to transactions involving foreign currency and credit default swaps. As trading volume increases, the market's scope expands, leading to enhanced benefits from unrestricted trading in securities markets. However, it's possible to have an excess of a positive aspect. The notion that trade can be advantageous for both sides does not mean that all trade is beneficial; while not every trade is complicated, some certainly are. Both Ruskin and Friedman can be correct at times and incorrect at others. The 'Greenspan doctrine' views the trading of risk as akin to the trade of milk and coffee: the outcome of the exchange is to 'distribute (risk) to those investors best equipped and eager to assume it'. However, three centuries later, Colbert introduces a distinct perspective in modern economics by reviving the idea that trade is complex, emphasizing 'information asymmetry'—individuals engage in trade due to varying knowledge levels or differing interpretations of the same information.

These two elements in the historical evolution of risk markets—wagering on the understanding of partial information, and the communal handling of personal risks—remain central to the functioning of risk and insurance markets today.

There exists a contradiction in this scenario. 'Ketchup economists,' similar to others within the financial sector, stress the distinctly unique traits of the area they investigate. Their examination of risk connects markets for risk with those of other commodities. In doing so, they overlook the essential distinction that is present between financial markets and markets for various other commodities. Markets for securities largely rely on differences in information, or perceptions of information, between the two transaction parties, rather than on differences in preferences and capabilities. This observation clarifies why finance can be, or seem to be, excessively profitable, and why such profitability need not correlate with the value added from financial activities.

Numerous financial promotions take advantage of the control illusion and the excessive confidence individuals place in their own decisions. The typical approach to pursuing the dream involves the belief that savers are able to accurately pinpoint market peaks or troughs, or choose stocks or managers that will exceed market performance. The overwhelming evidence suggests that this is not the case. Only a small number of investors or managers possess any ongoing ability to outperform the market. In aggregate, actively managed funds underperform market averages by the extent of their fees. Retail investors perform even worse than the average of investment funds due to poorly timing their buying and selling. Like games that blend skill and luck, such as poker, a select few possess truly remarkable talents that allow them to gain at the expense of the average players, while a larger number convince themselves, and sometimes others, that their recent streaks of luck stem from their unique abilities.

The constant accessibility of common produce is, in this regard, a misconception. However, the idea of liquidity can be applied from milk to finance. Bankers found that they only need to retain a portion of the deposits entrusted to them as liquid cash. Depositors tend to think they can retrieve their funds whenever they wish, yet if

everyone attempted to do so simultaneously, they would be unable to. The liquidity illusion in finance manifests in several ways and carries various labels—such as maturity transformation, fractional reserve banking, and even ‘money creation.’ These complex terms fuel the common belief that money, banking, and finance possess an enigmatic and unique quality. However, the concept of a service being accessible on demand is not remarkable if, and only if, few individuals utilize that accessibility.

When you discuss the effectiveness of markets with participants, the dialog will quickly—often within moments—shift to liquidity. It is not an overstatement to claim that a singular question largely influences the evaluation of suggested regulations, technological advancements, or alterations in market behavior: what impact will it have on liquidity? Nothing demonstrates the self-referential quality of dialogue in contemporary financial markets more clearly than the ongoing reiteration of the liquidity mantra. Users of finance—households, non-financial enterprises, governments—indeed have a need for liquidity, which is why they maintain deposits and seek overdrafts or credit card options and, as mentioned earlier, why it is crucial that the banking system is reliably equipped to satisfy their requirements. However, these end-users—households, non-financial businesses, and governments—have quite simple needs for liquidity from securities markets. Households must have the ability to liquidate their investments to address emergencies or support their retirement; businesses may occasionally require significant, uneven investments; governments need to be capable of refinancing their expiring debt. However, in nearly all situations, these needs could be fulfilled if markets were to open once weekly—maybe once annually—for limited trading volumes.

Liquidity can occasionally be assessed by examining ‘the spread’—the loss incurred if you were to buy and sell the identical security at the same time. Given that this is a trade few are expected to undertake, the significance of this metric is not clear. The overall trading cost is what’s important, which relies not only on the spread but also on the actual price levels. Speculators can enhance liquidity by introducing capital into the market, especially when their level of activity is reasonable compared to that of long-term investors. The situation is considerably different when the primary form of market trading consists of short-term speculators exchanging trades amongst themselves. Ticket resellers can play a beneficial part at sought-after sports events when demand outstrips supply; however, when most tickets are held by resellers, prices will fluctuate—primarily influenced by the predictions of other resellers regarding future prices—and the desires of true fans remain unfulfilled. Liquidity can be viewed as a kind of illusion, yet it is a beneficial deception not just for those who supply it but for society at large. However, many individuals have mistaken the supply of liquidity for the level of market activity. The seeming liquidity offered by short-term traders is actually a mirage since it is accessible only when it is not required. During the global financial crisis, fear resulted in a heightened demand for secure short-term assets, and traders, collectively, lacked and were unable to possess the capacity to satisfy this demand.

Regarding the milkman, his availability was constant only while the demand was low; the ability to satisfy needs is fundamentally restricted by the amount of milk—or, in financial markets, enduring capital—on hand. Only government intervention could supply that patient capital. However, the impact of official intervention was to worsen moral hazard: to uphold a delicate framework that could persist only through the suggested assurance of additional intervention later. Thus, it has been with governmental reactions to the worldwide financial crisis. By endorsing an industry

framework poorly suited to user needs, policymakers maintained not only the financial system but also the entities that contributed to the instability. The negative impacts affected businesses, households, economic growth, and economic policy.

REFERENCES

1. Kay, J., 2009, *The Long and the Short of It: A Guide to Finance and Investment for Normally Intelligent People Who Aren't in the Industry*, London, The Erasmus Press.
2. Haldane, A.G., 2010, 'The \$100 Billion Question', remarks at the Institute of Regulation & Risk, Hong Kong, 30 March.
3. International Monetary Fund, 2014, *Global Financial Stability Report: Moving from Liquidity- to Growth-Driven Markets*, Washington, DC, April, p. 104.
4. Augar, P., 2006, *The Greed Merchants: How the Investment Banks Played the Free Market Game*, London, Penguin, p. 107.
5. Lewis, M.M., 2004, *Moneyball: The Art of Winning an Unfair Game*, New York and London, W.W. Norton.
6. Sorkin, A.R., 2009, *Too Big to Fail: Inside the Battle to Save Wall Street*, London, Allen Lane, p. 525.
7. Cohan, W.D., 2011, *Money and Power: How Goldman Sachs Came To Rule the World*, New York, Random House.
8. Goldman Sachs Code of Business Conduct and Ethics, 2014. <http://www.goldmansachs.com/investor-relations/corporate-governance/corporate-governance-documents/revise-code-of-conduct.pdf>
9. Levine, R., 2005, 'Finance and Growth: Theory and Evidence', in, *Handbook of Economic Growth*, ed. Aghion, P., and Durlauf, S.N., Amsterdam, Elsevier, pp. 865–934.
10. Rajan, R.G., 2005, 'Has Financial Development Made the World Riskier?', *Proceedings, Federal Reserve Bank of Kansas City*, August, pp. 313–69.
11. Marquis, C. (2024). *The profiteers: How business privatizes profit and socializes cost*. PublicAffairs.
12. Rangeley, M., White, W., Köppel, R., Richer, H., Ordeñez, M. F., Kolm, B., & Kamall, S. (2024). *The age of debt bubbles*. Springer Nature.
13. Miller, C. (2022). *Chip war: The fight for the world's most critical technology*.
14. Varoufakis, Y. (2023). *Technofeudalism: What killed capitalism*. Verso Books.
15. Harris, M. (2023). *Palo Alto: A history of California, capitalism, and the world*. Little, Brown and Company.
16. Adrian, T., & Mancini-Griffoli, T. (2021). *A new era of digital money*. International Monetary Fund imf.org
17. Bank for International Settlements. (2024). *Finternet: The financial system for the future*. Bank for International Settlements BIS.org
18. Financial Times. (2025, February 28). *The benefits of CBDCs are too great to ignore*. Financial Times. ft.com
19. Business Insider. (2025, February 27). *Will AI replace human jobs and make universal basic income necessary? Here's what AI leaders have said about UBI*. Business Insider.com

338.121-021.23:331.5-053(497-15)

338.121-021.23:331.5-055(497-15)

Миновска МилаРоссийский университет дружбы народов им. Патриса Лумумба (РУДН)
Россия

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В СТРАНАХ ЗАПАДНОГО БАЛКАНА

АННОТАЦИЯ: Проблема экономического неравенства на Западных Балканах становится все более актуальной, поскольку она угрожает стабильности региона, его экономическому процветанию и социальному благосостоянию. Одной из ключевых причин неравенства являются структурные проблемы на рынке труда, такие как высокая безработица, низкая активность на рынке труда, а также распространенность небезопасных и неформальных рабочих мест. В статье проводится сравнительный анализ факторов, способствующих неравенству, в странах Западного Балкана и ЕС-27, с особым акцентом на гендерное и возрастное неравенство. Рассматривается влияние этих факторов на экономическое развитие и социальную стабильность региона, а также предлагаются пути решения проблемы для ускорения интеграции в ЕС и повышения уровня жизни в странах Западного Балкана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Неравенство, Западные Балканы, занятость, рынок труда

THE PROBLEM OF ECONOMIC INEQUALITY IN THE WESTERN BALKANS

Abstract: The problem of economic inequality in the Western Balkans is becoming increasingly relevant as it threatens the stability of the region, its economic prosperity and social well-being. One of the key causes of inequality are structural problems in the labour market, such as high unemployment, low labour market activity, and the prevalence of insecure and informal jobs. The article provides a comparative analysis of the factors contributing to inequality in the Western Balkan countries and the EU-27, with a special focus on gender and age inequality. It examines the impact of these factors on economic development and social stability in the region and suggests ways to address the problem in order to accelerate integration into the EU and improve living standards in the Western Balkan countries.

KEYWORDS: Inequality, Western Balkans, employment, labor market

В последние десятилетия вопросы экономического неравенства приобрели особую актуальность на международной арене. Рост неравенства доходов и богатства внутри стран стал заметной тенденцией, которая влияет на социальное развитие, экономический рост и стабильность в регионах. Западные Балканы, переживают сложные экономические и политические преобразования, что делает проблему неравенства особенно острой. Несмотря на достигнутые успехи, уровень неравенства в странах этого региона остается высоким, а процесс экономической конвергенции с ЕС развивается медленно.

Неравенство, как феномен, имеет множество проявлений, включая

различия в доходах, богатстве и доступе к социальным благам и возможностям. Неравенство в Балканском регионе связано с бедностью и исключением из социальных и экономических процессов. Неравенство также отражает структурные проблемы, такие как неравномерное распределение ресурсов, политическое и экономическое неравенство, а также внутренние противоречия между социальными и этническими группами.

Один из основных индикаторов неравенства – индекс Джини, который в странах Западных Балкан остается одним из самых высоких в Европе. За период с 2013 по 2020 годы, хотя и была зафиксирована некоторая тенденция к снижению неравенства, значение индекса Джини в странах региона продолжает значительно превышать среднее по ЕС. Например, в 2021 году индекс Джини в странах Западных Балкан был на 3 единицы выше, чем в ЕС, что указывает на более высокие уровни неравенства в регионе.

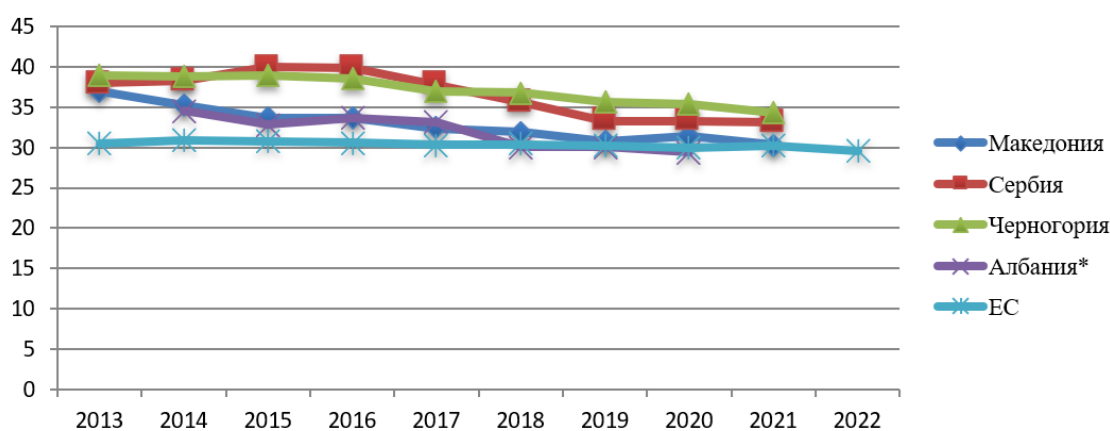

Рис. 1. Индекс Джини, 2013-2022гг. ¹

Источник: Составлено автором на основании данных Eurostat и Всемирный Банк.

URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tessi190/default/table?lang=en>,

<https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=SI.POV.GINI&country>

Однако если рассматривать данные о среднем годовом чистом доходе, выраженном в ППС на душу населения, разрыв между странами-кандидатами и ЕС становится еще более очевидным. Так, в 2022 году средний доход в Сербии составил 7 567 ППС на душу населения, что составляет 40,5% от уровня ЕС. В Черногории данный показатель был немного ниже, составляя 7 309 ППС на душу населения. При этом наибольший рост доходов зафиксирован в Македонии, где средний годовой доход вырос с 3 916 ППС на душу населения в 2012 году до 5 988 ППС в 2020 году, что на тот момент составляло всего 33,4% от уровня ЕС.

¹ Данные о Боснии и Герцеговины отсутствуют в источнике

*доступны данные с 2014г.

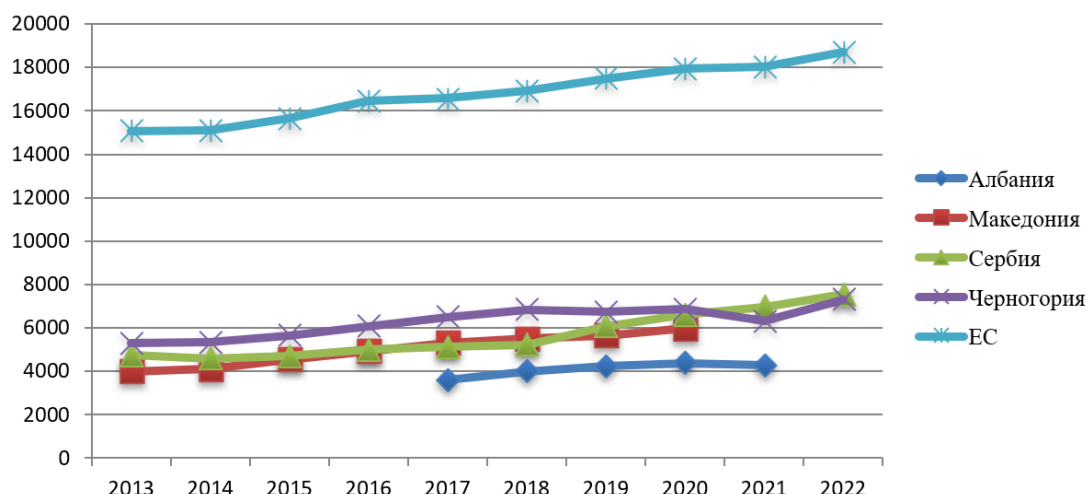

Рис. 2 Средний годовой чистый доход (ППС на душу населения), 2013-2022²

Источник: Составлено автором на основании данных Eurostat.

URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_di03__custom_13931860/default/table?lang=en

Одним из ключевых факторов, поддерживающих высокое неравенство, является ситуация на рынке труда. В странах Западных Балкан, как и в других регионах мира, исключение из рынка труда или работа на низкооплачиваемых должностях служат важными причинами экономического неравенства. На протяжении последнего десятилетия на Балканах наблюдается улучшение ситуации с занятостью. За исследуемый период, уровень безработицы в странах Западных Балкан значительно выше, чем в странах ЕС. В 2013 году безработица в странах региона варьировалась от 15.9% в Албании до 29% в Македонии, в то время как в ЕС она составляла 11.6%. В период с 2013 по 2023 годы уровень безработицы в Балканских странах постепенно снижался, но темпы улучшения оставались медленными.

Несмотря на снижение безработицы в странах Западных Балкан, они по-прежнему сталкиваются с высоким уровнем безработицы среди молодежи и женщин, а также долгосрочной безработицей, что указывает на сохраняющиеся структурные проблемы на рынке труда. В отличие от этого, страны ЕС за счет стабильного экономического роста и эффективных политик достигли более низкого уровня безработицы, что свидетельствует о большем успехе в создании рабочих мест и стимулировании экономической активности.

² Данные о Боснии и Герцеговины отсутствуют в источнике
*доступны данные с 2014г.

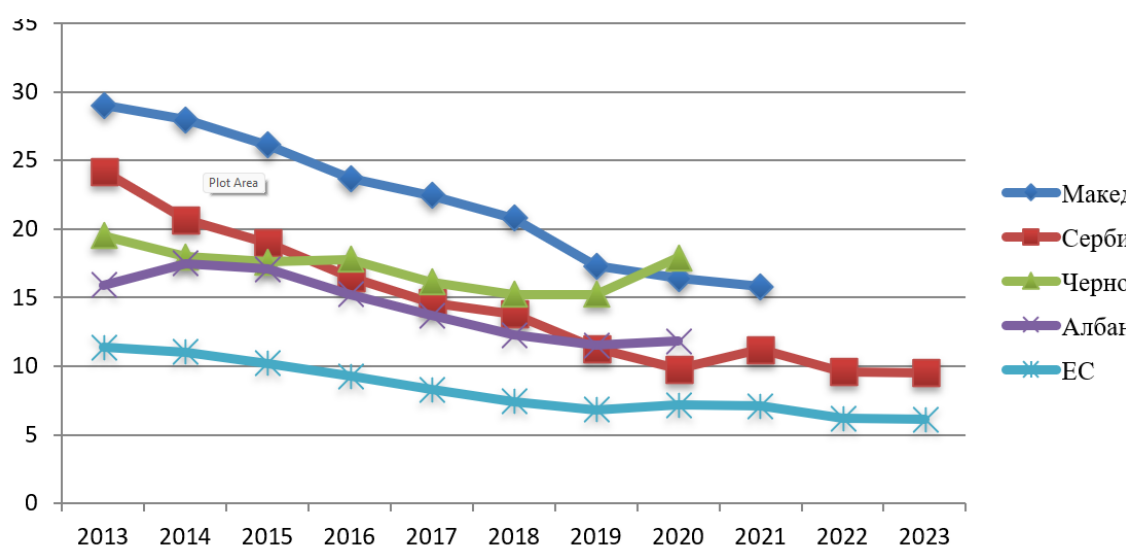

Рис. 3 Уровень безработицы в %, 2013-2023гг. (% рабочей силы)

Источник Составлено автором на основании данных eurostat.

URL:https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/une_rt_a__custom_13940357/default/table?lang=en

ЕКОНОМИЈА

Еще одной важной проблемой является гендерное неравенство на рынке труда. Анализ данных по уровням экономической активности и безработицы между мужчинами и женщинами показывает, что на Балканах в большинстве стран сохраняется значительный разрыв. В 2021 году в странах Западных Балкан наблюдалось более широкое гендерное различие в экономической активности, чем в ЕС, где разрыв снижался в течение наблюдаемого периода.

Неравенство проявляется и по гендерному принципу. По данным международной организации труда, разница в доли мужчин и женщин участвующие в рабочую силу в регионе, варьирует с 14,2 процентных пунктов в Черногории до 21 пп в Македони.

Но более волнительные, являются результаты исследования «Гендерный разрыв в сфере занятости: что сдерживает женщин?», международной организации труда, которые показали, что доля женщин, желающих работать (здесь входят и женщин, ответивших что «Работают на оплачиваемой работе», женщин, ответивших «Выполняют как оплачиваемую работу, так и заботу о семьях и домах»), значительно выше доля женьшин участвующих в рабочую силу. В качестве факторов, которые отрицательно влияют на желанию женщин стать частью рабочей силы были перечисленны отсутствие доступного ухода за детьми, отсутствие высшего образование, семейные обязанности,

	Доля мужчин участвующие в рабочую силу	Доля женщин участвующих в рабочую силу	Доля женщин которые предпочитают работать на оплачиваемой работе
Албания	66,2%	50,7%	86%
Босния и Герцеговина	52,4%	32,3%	79%
Македония	63,4%	42,4%	68%
Сербия	62,3%	46,6%	81%
Черногория	62%	47,8%	77%

Таблица 1. уровень участия в рабочей силе за 2021 (%)

Источник The gender gap in employment, what's holding women back

URL:<https://www.ilo.org/infostories/en-GB/Stories/Employment/barriers-women#what-women>

В дополнении к выше упомянутой ситуации с участием женщин на рынке труда, можно добавить, что в странах Западного Балкана замечается более высокий уровень безработицы среди женщин. В большинстве стран Западных Балкан уровень безработицы среди женщин немного выше общенационального уровня безработицы. Единственная страна, в которой уровень безработицы женщин ниже не только общенационального уровня, но и уровня мужчин, является Македония.

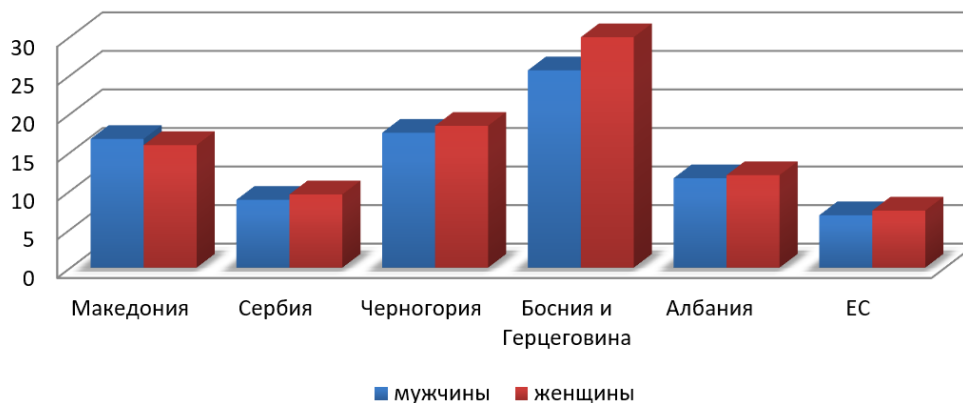

Таблица 4. Уровень безработицы между мужчинами и женщинами, в %, 2020 год

Составлено автором на основании данных eurostat.

URL:https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/une_rt_a__custom_13940357/default/table?lang=en

Еще одной широко распространенной проблемой в регионе, которая оказывает влияние на неравенство, является большое количество молодых людей (в возрасте от 15 до 24 лет), которые не учатся, не работают и не проходят профессиональную подготовку. Уровень безработицы среди молодежи в Западные Балканы был высоким еще до пандемии, особенно по

сравнению с другими европейскими странами. Данные, собранные Платформой занятости и социальных вопросов Совета регионального сотрудничества и проанализированные в отчете «Исследование занятости молодежи на Западных Балканах», показывают положительную тенденцию с 2017 года до начала пандемии, однако пандемия приостановила эти улучшения. До 2020 года во всех странах Балканского региона наблюдалось снижение уровня безработицы среди молодежи (а также общего уровня безработицы), что в течение трех лет привело к снижению в среднем примерно на 7 процентных пунктов. Высокие показатели молодежной занятости на Западных Балканах могут иметь серьезные негативные последствия для молодежи на протяжении всей жизни, такие как невозможность найти постоянную работу, задержка в развитии карьеры и навыков, отсрочка создания семьи и тд. Исходя из этого, не удивляет тот факт почти 71% молодых людей в 2020 г. сообщили, что они рассматривают эмиграцию с целью получения работы за границу.

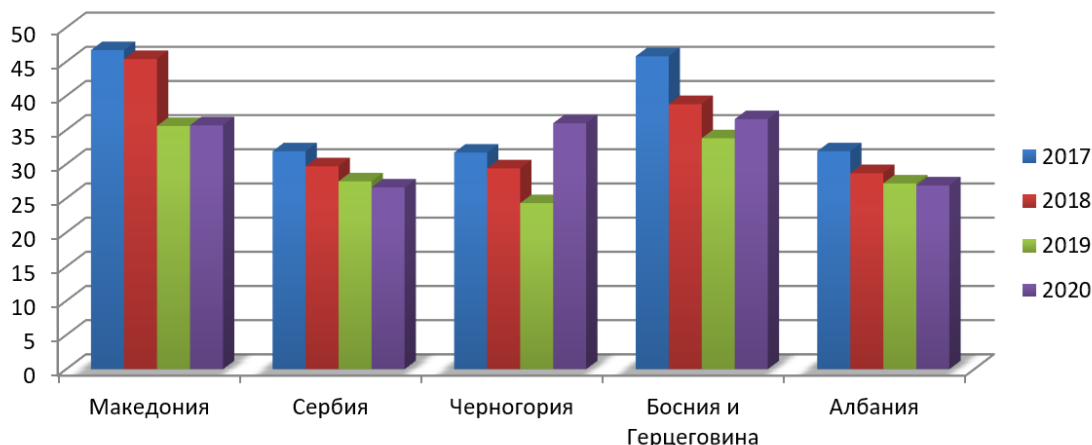

Таблица 5. Уровень безработицы среди молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), в %, 2017-2020 гг

Источник: Исследование занятости молодежи на Западных Балканах,

URL: <https://www.rcc.int/docs/573/study-on-youth-employment-in-the-western-balkans#:~:text=Youth%20employment%20is%20an%20important,governments%20in%20the%20Western%20Balkans.&text=However%2C%20youth%20unemployment%20remains%20stubbornly,with%20a%20strong%20gender%20bias.>

Решение о переезде за границу может сильно различаться в зависимости от индивидуальных обстоятельств и может охватывать целый ряд факторов. Анализ МВФ показал, что, хотя все типы мигрантов ищут лучшие экономические возможности за границей, более квалифицированные лица также были мотивированы к переезду из-за институционального качества дома (коррупция и nepotism для получения работы), а менее квалифицированные лица также были привлечены к переезду. более крупные и надежные системы социальных пособий за рубежом. Дополнительные данные показали, что высокий уровень коррупции в регионе является ключевым фактором, определяющим отток мигрантов, что усугубляется тем фактом, что 63% жителей региона не доверяют своим правительствам, а 66% не доверяют судебным или судебным органам. законодательные органы.

Подводя итоги, можно отметить, что за последние годы страны Западных Балкан добились определённого прогресса в снижении неравенства. Однако регион по-прежнему отстаёт от стран Европейского Союза в этом процессе. Продолжающаяся пандемия COVID-19 замедлила положительные экономические и социально-экономические тенденции. Последствия замедления экономического роста во многих странах региона привели к сокращению экономических возможностей, что, в свою очередь, остаётся одной из причин, препятствующих уменьшению неравенства.

Снижение неравенства как внутри стран, так и между ними, было важным направлением на протяжении последних пяти лет. Были предприняты значительные усилия по ликвидации дискриминационных законов, практик и политики, а также по стимулированию социальной, экономической и политической интеграции всех групп населения. Эти усилия привели к некоторым положительным изменениям. Однако неравенство сохраняется в разных сферах и даже усилилось в некоторых из них, затрагивая особенно уязвимые группы и определённые части региона.

Для достижения поставленной цели — сокращения неравенства — страны региона должны не только сосредоточиться на экономическом развитии и улучшении перспектив занятости, но и улучшить социальную инфраструктуру и политическую ситуацию. Эти факторы играют ключевую роль в решении проблем эмиграции молодёжи и трудоспособного населения, а также в стимулировании участия женщин в рынке труда.

Одной из ключевых проблем, усугубляющих неравенство в регионе, является гендерное неравенство на рынке труда. Несмотря на стремление к улучшению положения женщин в экономике, в странах Западных Балкан сохраняется значительный гендерный разрыв в уровне занятости и уровне безработицы, а также в доступе к экономическим возможностям. Это делает необходимым разработку более эффективных и инклюзивных политик, направленных на сокращение гендерного неравенства и создание равных условий для женщин и мужчин на рынке труда.

Экономическое неравенство на Балканах представляет собой комплексную проблему, корни которой лежат как в внутренних структурных проблемах, так и в внешних факторах, связанных с глобальными экономическими кризисами. Несмотря на достигнутый прогресс в снижении неравенства, страны региона сталкиваются с рядом вызовов, которые требуют комплексного подхода. Этот подход должен включать развитие рынка труда, устранение гендерных и возрастных диспропорций, а также использование инструментов поддержки ЕС для улучшения социальной и экономической ситуации в странах-кандидатах на вступление в союз.

Необходимы не только локальные реформы, но и целенаправленные меры в области образования, налогообложения и социальной политики, чтобы решить коренные причины экономического неравенства и обеспечить устойчивый и инклюзивный рост. В долгосрочной перспективе это приведёт к улучшению социального и экономического положения региона. Важно, чтобы процесс интеграции в ЕС создавал условия для устойчивого экономического роста и повышения социальной стабильности в странах региона. Это будет способствовать уменьшению неравенства, улучшению качества жизни и укреплению политической и экономической стабильности на Западных Балканах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Milanovic B. Global inequality: A new approach for the age of globalization. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2016. 299 p.
2. Кормишкин Е. Д., Кормишкина Л. А., Колосков Д. А. и др. Феномен социально-экономического неравенства: взгляд в контексте неоиндустриальной парадигмы современного развития. Саранск: РИЦ МГПУ; 2020. 202 с.
3. Friedrich Ebert Stiftung: #FivePointsOn Inequality in Southeast Europe, Friedrich-Ebert-Stiftung Dialogue Southeast Europe 2018. 16 p.
4. Marta Szpala, Social and Economic Convergence of the Western Balkans in the time of Crisis, Institute for Democracy "Societas Civilis" – Skopje, 2020
5. World Bank Group (2020a). Western Balkans Regular Economic Report No.17. The
6. Economic and Social Impact of COVID-19. Setting The Stage. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/301261588088338100/pdf/The-Economic-and-Social-Impact-of-COVID-19-Setting-the-Stage.pdf>.
7. World Bank Group (2020b). Western Balkans Regular Economic Report No.17. The Economic and Social Impact of COVID-19. Western Balkans Outlook. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/606131588087679463/pdf/The-Economic-and-Social-Impact-of-COVID-19-Western-Balkans-Outlook.pdf>
8. "World Bank. 2024. Western Balkans Regular Economic Report No. 26 Fall 2024", World Bank."
9. OECD (2021), "Economic context", in Competitiveness in South East Europe 2021: A Policy Outlook, OECD Publishing, Paris. DOI: <https://doi.org/10.1787/66c185f2-en>
10. Atoyan, R. et al. (2018), Public Infrastructure in the Western Balkans: Opportunities and Challenges, IMF Departmental Paper No. 18/02, <https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2018/02/07/Public-Infrastructure-in-the-Western-Balkans-Opportunities-and-Challenges-45547>
11. Евростат, статистическая служба Европейского Союза, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/>
12. Всемирный Банк, URL: <https://www.worldbank.org/ext/en/home>
13. International labour organization, The gender gap in employment: What's holding women back?, URL: <https://webapps.ilo.org/infostories/en-GB/Stories/Employment/barriers-women#intro>
14. World Inequality database, URL: <https://wid.world/data/>